1
306

306 нпз

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕСПУБЛИКА!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 30 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 35 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

1917 N12

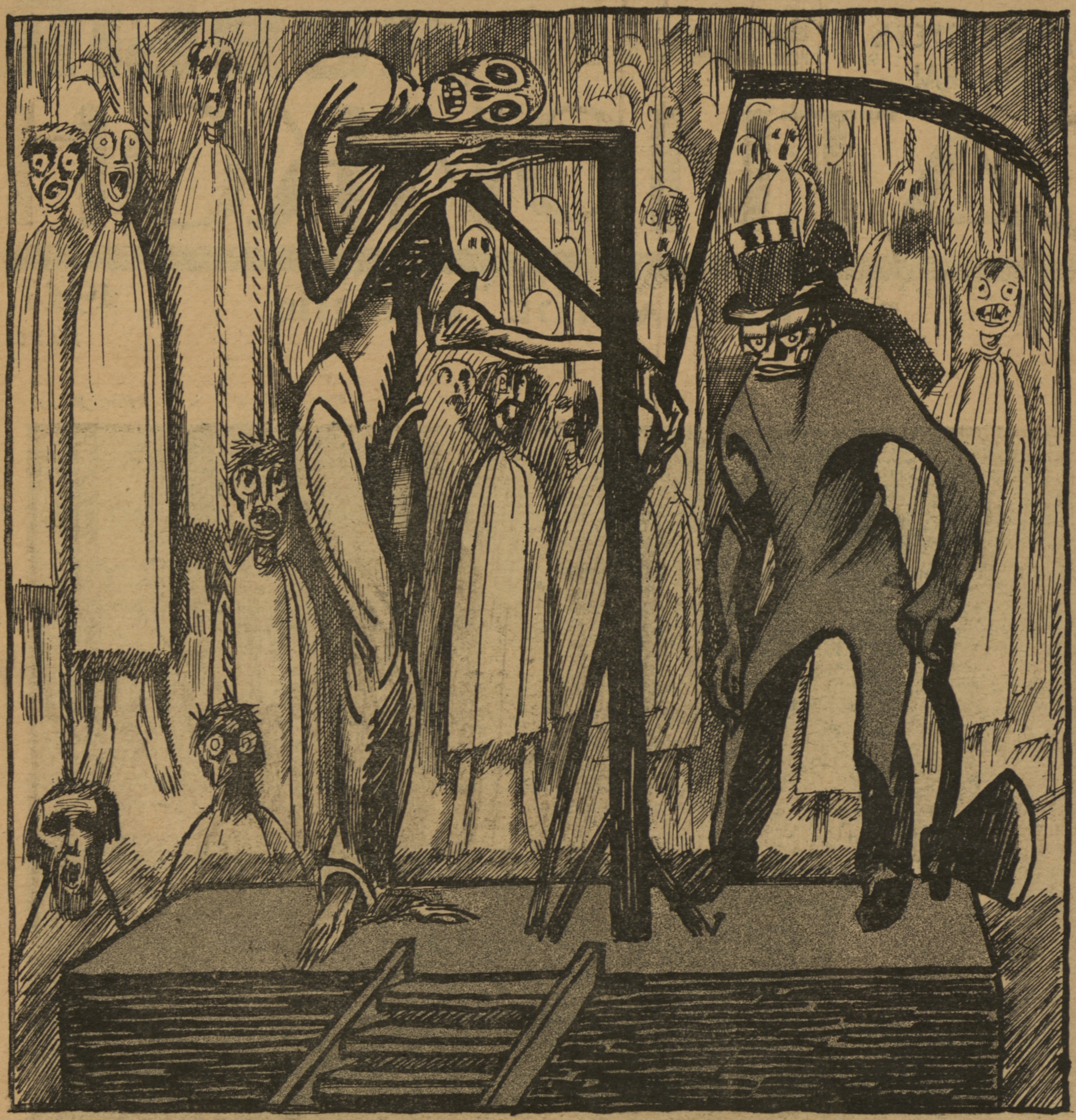
№ 12 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ 1917 МАРТ

Рис. Ре-ми.

КЪ ПАПАШѢ.

За совѣтомъ и сочувствіемъ...

Рис. А. Радакова.



ПЛАЧЪ СМЕРТИ.

Смертная казнь въ Россіи уничтожена.

Тиранъ сказалъ: «Съ тобой въ союзѣ, смерть-старушка!
Охраню я свой тронъ!»
И стала я служить у него на побѣгушкахъ,
И моимъ господиномъ сталъ онъ!

* * *

Меня, мудрую, сдѣлалъ онъ жестокой.
Меня, добрую — превратилъ въ палача.
И шла я по Руси въ тоскѣ глубокой,
Какъ четки, — трупы влача.

* * *

И смотрѣла я въ глаза невинно-казненныхъ,
Невинно казненныхъ на утренней зарѣ.
И лились слезы изъ глазъ бездонныхъ
Палачихи при палачѣ-царѣ.

Унижали меня у французской гильотины,
У висѣлицъ, у средневѣковыхъ костровъ
Мнѣ кричали изъ дворцовой тины:
«Побольше головъ, побольше головъ!»

* * *

Руки тирановъ меня благословляли,
Дѣлали мнѣ ложе изъ порфиръ.
И разбивали, разбивали мои скрижали
Со словами: «Во мнѣ миръ».

* * *

Но вотъ пришла та, кто сильнѣе смерти —
Свобода пришла, блестя весеннимъ лучемъ,
И сказала: «Теперь вѣрьте —
Смерть я не сдѣлаю палачемъ!»

А. Радаковъ.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград П 1986 РК-4422
Сх 73127

О БЫВШЕЙ ЦЕНЗУРѢ.

(Воспоминанія.)

Какое смѣшное ощущеніе: будто были мы, сатириконцы, волжскими бурлаками, еженедѣльно тащившими своими натруженными лямкой плечами и грудью тяжелую цензурную барку... Тащили, кряхтя и надрываясь, съ проклятіемъ внутри и дѣланно веселой улыбкой на губахъ.

И вотъ — въ тотъ моментъ, когда мы особенно напружились, почти совсѣмъ пригибаясь къ землѣ, кто-то однимъ молніеноснымъ взмахомъ остраго ножа разрѣзалъ бичеву, и мы, освобожденные, чуть не ткнулись съ размаху носомъ въ землю.

Цензура...

Ахъ, читатель, надо сказать правду: вѣдь вы почти ничего не знаете о ней и ужъ совершенно ничего въ ней не смыслите...

А мы знаемъ, — охъ, какъ знаемъ...

Мы, пожалуй, лучшіе спеціалисты по цензурѣ.

Вамъ было хорошо: сидѣли вы утромъ въ мягкомъ халатѣ за чашкой дымящагося кофе и, когда почтальонъ приносилъ аккуратно сложенный вдвое и обандероленный номеръ журнала, вы, сорвавъ лѣнивымъ движеніемъ бандероль, откидывались на спинку кресла и погружались въ снисходительное чтеніе...

— Ну, что они тамъ изобразили?

Развѣ вы знали тогда, что наша работа вкупѣ съ цензурой, напоминала промываніе золота въ вашгердѣ? При чемъ все золото оставалось въ цензурныхъ рѣшеткахъ, а дрянной шлакъ, песокъ и вода проскакивали въ журналъ и подавались вамъ еженедѣльно, подъ видомъ «политической сатиры», которую вы со снисходительнымъ видомъ обильными, но безопасными для правительства порціями принимали внутрь.

Цензура...

Все это осталось уже позади, и поэтому у меня съ вами разговоръ о цензурѣ будетъ спокойный, безъ истерическихъ воплей, проклятій и гнѣва... Это уже исторія.

А исторія величава и невозмутима.

* * *

Мнѣ лично приходилось имѣть очень много дѣла съ цензурой, и опытъ даетъ мнѣ право вывести одно главное заключеніе, характеризующее всю цензуру:

— Всякій цензоръ, охранявшій «устои», былъ—дуракъ.

Это отнюдь не бранная полемическая выходка — нѣтъ. Спокойно и холодно я говорю на основаніи девятилѣтняго опыта:

— Цензоромъ назначали обязательно дурака.

А такъ какъ въ петроградскомъ комитетѣ было цензоровъ нѣсколько десятковъ, то эта внушительная группа цѣльныхъ крѣпко-сбитыхъ профильтрованныхъ и провѣренныхъ дураковъ производила грандіозное незабываемое впечатлѣніе.

Казалось, что по всей Россіи былъ кликнутъ кличъ, были произведены среди всероссійскихъ дураковъ прямые, тайные и всеобщіе выборы и результатомъ этого явились тѣ нѣсколько десятковъ великолѣпныхъ породистыхъ дураковъ, которымъ офиціально было присвоено наименованіе: «члены цензурнаго комитета».

Въ чемъ тутъ секретъ — непонятно, но всякій свѣжій человѣкъ сразу могъ отмѣтить яркую связь между должностью цензора и особымъ устройствомъ мозговыхъ извилинъ, комплексъ которыхъ характеризуетъ старало матерого опытнаго дурака.

Не какъ полемистъ, а какъ хирургъ, какъ ученый, разсматриваю я сейчасъ вскрытый цензорскій мозгъ на своемъ операціонномъ столѣ, и нѣтъ у меня сомнѣній и ясно мнѣ, какъ Божій день:

— Дуракъ ты, голубчикъ.

Результатъ моихъ изслѣдованій таковъ:

— Если цензоръ, значитъ — дуракъ. Если не дуракъ, значитъ, не цензоръ, а просто прохожій, забредшій сюда въ это казенное желтое зданіе на Театральной улицѣ по ошибкѣ, — и вотъ уже вижу я своими умственными очами, какъ зоветъ тебя, случайнаго прохожаго, въ свой строгій кабинетъ предсѣдатель цензурнаго комитета и говоритъ онъ тебѣ, строго наморщивъ брови: «А вѣдь вы, голубчикъ, намъ не подходите. Какой же вы цензоръ? Вотъ вы пропустили и то, и это. Развѣ можно? Нѣтъ, вы для насъ слишкомъ умны».

А еще бы! Не гоже быть умному человѣку въ этомъ царствѣ сплошныхъ рафинированныхъ дураковъ.

Были ли эти цензурные дураки злы? Нѣтъ. По совѣсти говоря, не были. Они даже не мстили, если мы пробовали посмѣяться надъ ними въ журналѣ.

Надо быть справедливымъ: народъ все былъ не злой, не яростный, но до безконечности глупый.

Какое-то сплошное безысходное царство свинцовыхъ головъ, мѣдныхъ лбовъ и чугунныхъ мозговъ.

Расцвѣтъ русской металлургіи.

* * *

Сейчасъ я подхожу къ самому деликатному мѣсту моей статьи... сейчасъ я буду разсказывать правду, только голую неприкрашенную истину, и — я убѣжденъ, что читатель ни на іоту мнѣ не повѣритъ. Такъ оно все странно, неслыханно и ни на что не похоже.

Однако, завѣряю своимъ честнымъ словомъ, что все нижеслѣдущее — правда, которую можетъ подтвердить любой изъ моихъ товарищей по работѣ.

Принужденъ сдѣлать такое предисловіе, переходя къ фактамъ и иллюстраціямъ моей девятилѣтней работы съ цензурой.

Уничтожающее сопоставленіе.

Однажды я вырѣзалъ изъ газетъ два циркуляра: одного министра о томъ, что нужно экономить бумагу и не вести ненужной переписки, и другого министра — о томъ, что министрамъ нужно писать съ обращеніемъ «ваше высокопревосходительство», къ директорамъ департамента — «ваше превосходительство» и т. д.

Эти циркуляры я распорядился набрать и вставить въ журналъ безо всякихъ комментарій и критики.

Цензура ихъ не пропустила.

— Почему?! — завопилъ я

— Это издѣвательство, — со скорбной извиняющейся улыбкой объяснилъ цензоръ.

— Да вѣдь эти циркуляры были разосланы?

— Были.

— И напечатаны во всѣхъ газетахъ?!

— Напечатаны.

— И вы ихъ пропустили?

— Пропустили.

— Почему же намъ нельзя?

— Рядомъ они стоятъ. Неудобно. Если бы разставить ихъ въ разные номера — тогда другое дѣло.

Страшныя головы.

Однажды мной былъ представленъ на цензуру графическій рисунокъ О. Шарлеманя — римскій воинъ, потрясающій копьемъ. У ногъ его были сложены отрубленныя вражескія головы, а подъ рисункомъ П. Потемкинъ подписалъ стихи, воспѣвающіе доблесть римскихъ воиновъ и прелести войны.

И вдругъ меня вызываютъ въ цензуру:

— Этотъ рисунокъ мы пропустить не можемъ.

— Что-о-о?

Я смотрю на цензора широко открытыми выкатившимися глазами. Онъ на меня — сквозь двѣ хитро прищуренныя щелочки.

— Я не понимаю, въ чемъ дѣло? Что за причина.

Лукаво, съ легкимъ заигрываніемъ, онъ толкаетъ меня локтемъ въ бокъ:

— Ну, да не понимаете! Знаемъ мы, какъ вы не понимаете. О-о, вы, сатириконцы, хитрый народъ съ вами нужно держать ухо востро!

— Даю вамъ честное слово, не понимаю!

— Не понимаете? Такъ, такъ...

Смотритъ на меня съ неописуемымъ лукавствомъ, какъ авгуръ на своего собрата-авгура.

— Не понимаете? Будто! Ну я вамъ объясню, вотъ тутъ у ногъ воина лежатъ четыре головы — такъ?

— Такъ.

— Хорошо-съ. Одна, скажемъ, Абдулъ-Гамида, другая Мануэля Португальскаго, третья — персидскаго шаха... Такъ-съ. (Значительно и тихо, приблизивъ свое лицо къ моему лицу.) А чет-вертая голова — чья?

Ну, развѣ это не страшно? Какіе растлѣнные, сплющенные мозги должны быть у этого дурака, чтобы въ безобидномъ художественномъ рисункѣ на античную тему найти страшный намекъ на то, о чемъ тогда и думать боялись.

Рис. Миссъ.

Ужаснѣе всего было то, что онъ не бушевалъ, не грозилъ мнѣ скорпіонами, а только тихонько и лукаво подхихикивалъ: «А что, молъ, хотѣли меня обойти? Анъ, я васъ и разоблачилъ!»

Нецензурный Милюковъ.

Совсѣмъ недавно (въ январѣ этого года) цензура не пропустила намъ портрета Милюкова, подъ которымъ только и было подписано:

— П. Н. Милюковъ.

Конечно — мой стереотипный вопросъ:

— Почему?

У цензора лицо встревоженное:

— А вы зачѣмъ его портретъ помѣщаете?

— Хотимъ и помѣщаемъ. Вѣдь это не карикатура, а просто графическій рисунокъ Ре-ми. Что можетъ быть нецензурнаго въ портретѣ Милюкова?

— Нѣтъ, ужъ разъ вы помѣщаете, значитъ, что-нибудь тутъ есть. Не пропущу.

И вѣдь не пропустилъ, каналья.

Только черезъ три недѣли поставилъ на оттискѣ разрѣшительную надпись и объяснилъ:

— А теперь можно.

Чѣмъ эта чугунная голова руководствовалась — попробуйте объяснить.

Тонкій намекъ.

Объ одномъ цензурномъ трюкѣ я таки ухитрился разсказать въ «Сатириконѣ» мѣсяца два тому назадъ.

Напомню.

Представили мы на цензуру рисунокъ, иллюстрирующій безобидный еврейскій анекдотъ: еврей, сидя верхомъ на лошади, съѣзжаетъ, благодаря ея прыжкамъ, къ самому хвосту и кричитъ испуганно окружающимъ: «Давайте мнѣ скорѣй другую лошадь — эта уже кончается».

Я готовъ дать любую премію тому человѣку, который догадается, почему не былъ пропущенъ этотъ рисунокъ.

Не могъ бы объяснить этого и я даже подъ угрозой смертной казни.

А цензоръ объяснилъ (фактъ!):

— Это неудобно. Тутъ у васъ написано, что лошадь уже кончается, что еврей съѣзжаетъ къ хвосту . . .

— Ну?!!!!!

— Ну, а теперь, вы сами знаете, когда стали поговаривать объ отставкѣ министра Хвостова — это намекъ, который всякому понятенъ.

Въ тотъ моментъ мнѣ жгуче захотѣлось взломать ему перочиннымъ ножемъ голову и заглянуть туда: что тамъ? Вотъ бы, я думаю, закашлялся отъ пыли!

Если дуракъ, такъ знаемъ кто.

Это — фраза изъ извѣстнаго анекдота, но анекдотъ совсѣмъ недавно претворился въ жизнь.

Въ январьскомъ (3) номерѣ «Нов. Сатирикона» мы помѣстили шаржъ на талантливаго А. В. Амфитеатрова. Онъ былъ нарисованъ во весь свой огромный ростъ и сопровожденъ подписью:

«Слоны отличаются большимъ умомъ, сообразительностью, силой, кротостью и трудолюбіемъ. Но опасно разсердить такого добродушнаго слона: онъ тогда можетъ взбѣситься и нанести много ущерба неосторожному дураку.»

Читатель! Разыщите у себя этотъ № 3 и взгляните на подпись: тамъ, послѣ слова «неосторожному» нѣтъ слова «дураку». Нѣтъ даже точки.

Знаете, почему?

Цензура вычеркнула одно только слово: «дураку».

Когда мы запросили объ этомъ цензора, онъ отвѣтилъ:

— Ну, мы же знаемъ, кого вы дуракомъ называете: это, навѣрное, Протопопова.

Это, кажется, былъ единственный случай, когда цензура обнаружила настоящую проницательность и чутье.

Нелегальная буква.

Когда сатириконцы предприняли изданіе дѣтскаго журнала «Галченокъ», то А. Радаковъ придумалъ напечатать въ «Сатириконѣ» интригующее объявленіе: въ одномъ номерѣ только букву «Г», а въ другомъ «а», въ третьемъ «л» и т. д., пока не составится цѣлое слово.

Но на первой же буквѣ мы въ цензурѣ споткнулись.

Ѣдемъ объясняться:

— Почему такое?

— Не могу пропустить. У васъ тутъ какое-то кривое что-то нарисовано.

— Ну, да. Буква «Г». Что жъ тутъ нецензурнаго?

— Да вѣдь она на ногу похожа!

— Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Всякая буква «Г» на ногу похожа.

— Вотъ это и неудобно.

Въ униссонъ раздались два вопля — мой и Радакова:

— Почему?!!

— Да какъ вамъ сказать . . . Видите ли . . . этотъ рисунокъ напоминаетъ ногу, а у наслѣдника Алексѣя, какъ извѣстно, болитъ нога. Могутъ счесть за недостойную шутку. Тѣмъ болѣе, что журналъ-то для дѣтей.

Сказалъ и самъ полураскрылъ испуганно ротъ: не хватимъ ли мы его сейчасъ стуломъ по головѣ.

По лицу Радакова я ясно видѣлъ, что онъ былъ недалекъ отъ этого.

Но обошлось благополучно. Послѣ долгихъ убѣжденій пропустилъ, и только въ концѣ поторговался:

— Вотъ тутъ нарисованъ галченокъ, а у него глазъ похожъ на черепъ.

— Ну, такъ что?

— Передѣлать бы. Ну, зачѣмъ черепъ. Дѣтскій журналъ и вдругъ — черепъ.

Передѣлали.

* * *

Вспоминаю первые попавшіеся факты, которые пришли въ голову. А ихъ сотни, тысячи. Весь нашъ скорбный путь былъ усѣянъ грудами «зарѣзанныхъ» рисунковъ и статей, залитъ красными чернилами, слезами безсильной злобы и оглашенъ стонами муки и отчаянія.

Насъ было мало, и мы не имѣли ружей и сабель. Мы все знали и ничего не могли сказать.

А пришли тѣ, которыхъ много, и у нихъ были ружья и были сабли.

И они сказали.

Слава имъ и горячая благодарность за сорванныя съ насъ цѣпи.

* * *

И въ этотъ моментъ вы, читатель, тоже, можетъ быть, сидите за утреннимъ кофе въ мягкомъ халатѣ и благодушно читаете эти строки.

Но теперь вы знете, что мы дѣлали въ эти девять лѣтъ, каково намъ приходилось — и, можетъ быть вы, читатель, теперь многое изъ прошлаго намъ простите, чего вы раньше не понимали и надъ чѣмъ недовольно морщились. А?

Уф-фъ!

Арк. Аверченко.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград П 198 ФП - 11199

Рис. Ре-ми.

Воейковъ показалъ при допросѣ:
„— ...Узнавъ о революціи, царь сказалъ: „Въ такомъ случаѣ, откроемъ нѣмцамъ Минскій фронтъ! Пусть они усмирятъ эту революціонную сволочь“.

— „ПРИЗНАЛИ МЫ ЗА БЛАГО“...

Рис. В. Лебедева.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ НАЧАЛЬСТВО.

— Господинъ милиціонеръ, вы тутъ начальникъ?
— Начальникъ.
— Такъ разведите меня съ моимъ мужемъ.

ИСТОРІЯ СПОКОЙНАГО КОРОЛЯ.

(Хуже пѣсни.)

Сидѣла нѣкая матрона
У трона,
И помогала лѣзть на тронъ
Тьмѣ подозрительныхъ персонъ.
А вдалекѣ хозяинъ трона
Имъ улыбался благосклонно.
Народъ пищалъ и тронъ трещалъ,
А кто-то радостно вѣщалъ:
«Все для войны. И для войны
Снимите, граждане, штаны».
А вдалекѣ хозяинъ трона
Лишь улыбался благосклонно.
Какъ въ сказкѣ: отъ козла лишь рожки,
У трона подломились ножки.
И робко издавая стонъ,
Упала на полъ тьма персонъ.
И самъ упалъ хозяинъ трона,
Но — улыбнулся благосклонно.
Осиротѣлъ убогій тронъ
И къ побѣдителямъ свезенъ;
И приказалъ изъ нихъ одинъ:
— Что? Старый тронъ? Сейчасъ въ каминъ!
А вдалекѣ хозяинъ трона
Лишь улыбался благосклонно.
И тронъ сожженъ. Давно забытъ.
Теперь другая власть царитъ.
Порядокъ прежній — въ тьмѣ могилъ,
Его народъ уже забылъ.
А что же онъ — хозяинъ трона?
Онъ? Улыбнулся благосклонно.

Тисъ.

ЖЕРТВА ВЧЕРАШНЯГО ДНЯ.

Маленькій худенькій, съ блѣдной мордочкой, онъ не идетъ, а шмыгаетъ, какъ мышенокъ. Онъ вертитъ во всѣ стороны головкой въ котиковой шапочкѣ, прислушивается, оглядывается, перебѣгаетъ съ одной стороны улицы на другую. Время отъ времени онъ разстегиваетъ пальто и ощупываетъ боковой карманъ.

Изъ-за угла выплываетъ толстякъ съ рыжей бородкой.

— Здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! — громко говоритъ онъ мышенку.

Мышенокъ вздрагиваетъ и присѣдаетъ.

— Здравствуйте, Гордѣй Ивановичъ! — пищитъ онъ.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ!..

— Съ какимъ? Развѣ сегодня праздникъ?

— Великій! Праздникъ Духа, праздникъ Свободы.

— Ахъ, вы про это. Да, да...

— Ну, какъ же вы себя теперь чувствуете?

— Неважно. Нервничаю все...

— Напрасно. Теперь все это должно отпасть...

— Конечно, конечно... Полиція вотъ отпала, слава Богу.

Толстякъ засмѣялся.

— А вы развѣ что-нибудь имѣли противъ полиціи?

Мышенокъ смѣшно замоталъ мордочкой, поднялъ ручки къ ушамъ и пропищалъ:

— Ахъ, какъ я ее боялся!..

— Ха-ха-ха!..

— Бывало увижу городового издали, сейчасъ же на другую сторону перебѣгаю. Особенно боялся я околоточныхъ. Знаете, были такіе: красномордые, бритые, съ жирными затылками... Идетъ, бывало, въ морозный день въ черныхъ наушникахъ, а отъ него паръ столбомъ, и на голенищахъ солнце играетъ...

Толстякъ опять захохоталъ.

— И старшихъ дворниковъ боялся. Все мнѣ казалось, что вотъ-вотъ придетъ старшій дворникъ и скажетъ: «Пожалуйте въ участокъ!» Я въ дѣтствѣ видѣлъ, какъ вели изъ участка въ тюрьму вора. Онъ шелъ и выплевывалъ выбитые зубы. Съ тѣхъ поръ меня и осѣдлалъ этотъ проклятый страхъ. Боюсь полиціи, участка, тюрьмы, суда, пожарныхъ, жандармовъ, вокзаловъ, казармъ, всего, въ чемъ есть хоть малѣйшій намекъ на грубость, окрикъ, ударъ... И страшно боюсь я потерять паспортъ. Дрожу при одной мысли объ этомъ. Паспортъ всегда при мнѣ, и я поминутно ощупываю карманъ, не разорвался ли онъ, не потерянъ ли паспортъ. Ахъ, если бы вы знали, какая это пытка!..

— Но вѣдь теперь же все это, повторяю, должно отпасть: полиціи уже нѣтъ, а паспортная система, навѣрно, скоро будетъ упразднена. Все это, голубчикъ, страхи вчерашняго дня...

— Да, но...

— Что?

— Паспорта пока еще не уничтожены, а вмѣсто полиціи теперь милиція...

— Господи! Такъ вѣдь это же совершенно другое. Это студенты, милые, прекрасные юноши...

— Милые-то они милые, а, смотри, вдругъ схватятъ...

— Чего ради?

— А такъ... Могутъ заподозрить въ сочувствіи старому строю. Все возможно...

— Конечно, возможно. Возможно, напримѣръ, что я сейчасъ ударю васъ кулакомъ по головѣ, — съ раздраженіемъ сказалъ толстякъ.

Мышенокъ присѣлъ отъ страха, взглянулъ на толстяка снизу вверхъ и, надвинувъ котиковую шапочку, бросился бѣжать. За угломъ онъ на полномъ ходу разстегнулъ пальто и ощупалъ карманъ съ паспортомъ.

Николай Бреневъ (В. Черній.)

НАЧАЛО.

Началось это совершенно неожиданно. На одномъ изъ великосвѣтскихъ раутовъ Распутинъ сидѣлъ, окруженный дамами, и конфузливо сопѣлъ, поковыривая большимъ грязнымъ пальцемъ въ кускѣ ананаса.

— Въ васъ есть что-то магическое, — ласково кивнула ему головой одна изъ окружающихъ, — вы — мистикъ.

Предполагая, что дама говоритъ о прежнемъ тобольскомъ конокрадствѣ, Распутинъ отвѣтилъ уклончиво:

— Враки все. Митька кралъ, а я нѣтъ. Вретъ вашъ урядникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не спорьте, Григорій Ефимовичъ, — запротестовали дамы, — вы сфинксъ. Загадочный сфинксъ.

— Можетъ и такъ, дѣвушки, — осторожно согласился Распутинъ, — только ежели вы насчетъ Васькинаго мерина, такъ это напрасно. Кто кралъ, а кто и не кралъ. Дѣло прошлое, вспоминать не стоитъ.

— Меринъ—это звучитъ красиво,—шепнула одна дама,—что-то такое непонятно-влекущее. Если у меня родится мальчикъ, я назову его Мериномъ. Меринъ Сергѣевичъ. Честь нашей фамиліи спасена.

Тутъ же Распутина назвали многограннымъ, безкрайнимъ и нездѣшнимъ. Онъ растерянно оглянулся на дверь и подумалъ.

«Бабы важныя. Можетъ, у всѣхъ мужья-то пристава. Сейчасъ словами донимаютъ, а потомъ до дѣла докопаются. Какъ позовутъ мужьевъ-то, прощай тогда Гришка . . .»

И вслухъ добавилъ:

— Идтить надо.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пустимъ, — заволновались дамы, — ни за что не отпустимъ . . .

— Ну вотъ и готово, — испугался Распутинъ, — и пымали, какъ воробья. Эхъ, кабы выкинутъ что-нибудь, чтобы сразу выкинули . . .

Онъ потянулся къ хрустальной вазѣ и сталъ тянуть за скатерть, но расторопный лакей быстро переставилъ ее на другой столъ.

«Вазу нельзя, — подумалъ Распутинъ, — за вазу бить будутъ. Ходи, Гришка, безъ реберъ.

Но смѣтливый умъ сибиряка подсказалъ блестящій выходъ. и, подойдя къ дверямъ, Распутинъ подозвалъ къ себѣ хозяйку салона:

— Одѣвайся, старуха. Въ баню ѣдемъ.

Именно съ этого момента и началась блестящая карьера Распутина. Уже чудились ему возмущенные крики гостей, уже заранѣе краснѣла щека отъ удара, и съ трепетомъ ждалъ онъ минуты, когда, найдя точку опоры въ холодныхъ камняхъ тротуара, онъ стрѣлой помчится въ свою комнатку...

Но произошло неожиданное.

— Въ баню? — переспросила хозяйка. — Сію минуту, Григорій Ефимовичъ.

И уже въ прихожей услышалъ онъ только завистливый шопотъ изъ зала.

— Счастливица . . . Счастливица . . .

А когда садились въ карету, старый лакей почтительно спросилъ хозяйку салона:

— Такъ и прикажете доложить графу?

— Такъ и скажи: въ баню. Очиститъ грѣхи, молъ, и пріѣдетъ.

* * *

Съ этого вечера прошло три мѣсяца, а великосвѣтскія дамы оказались столь погрязшими въ грѣхахъ, что очистка ихъ не прекращалась даже въ двунадесятые праздники.

Приходили очищаться цѣлыми семьями и поколѣньями. Престарѣлыя бабушки вели за руки юныхъ внучекъ, и популярность Распутина росла.

— Тамъ барыня васъ спрашиваетъ, — докладывала Распутину кухарка. — Впустить?

— А чего ей надо?

— У меня, говоритъ, время отъ пяти до семи свободно, такъ я, говоритъ, очиститься заѣхала, да поскорѣе, а то внизу моторъ дожидается.

— А какая она изъ себя?

— Старая, да прыща на ней много.

— Гони, — отбивался усталый Распутинъ, — скажи, что, молъ, безгрѣшная она. Пусть нагрѣшитъ, а потомъ ужъ и лѣзетъ.

Тогда стали записываться. Не помогло и это, Распутинъ пожелалъ исключительной кліентуры и сурово заявилъ очищаемой имъ отъ грѣховъ баронессѣ:

— Слышь, Пашка, хочу, чтобы въ самыя сливки попасть. Вези куда то есть самыя высокія.

Такъ какъ Распутинъ грозилъ забастовать, его повезли.

* * *

Около перваго же свитскаго генерала Распутинъ немного оробѣлъ.

— А ты не пальцимейстеръ будешь?— дипломатически спросилъ онъ.

— Выше, — огрызнулся генералъ.

— Такъ, такъ . . .

Сначала Распутинъ хотѣлъ отойти, но узнавшіе уже путь къ довѣрію никогда не откажутся отъ этого пути, и Распутинъ прибѣгъ къ способу, разъ уже сдѣлавшему ему карьеру.

Онъ подозвалъ генерала и рѣшительно сказалъ ему.

— Пойдемъ въ баню.

Генералъ не пошелъ, но это предложеніе было настолько неожиданно для свѣтскихъ круговъ, что за Распутинымъ сразу установилась репутація необычайно оригинальнаго человѣка.

* * *

Черезъ два дня послѣ пребыванія въ высшихъ сферахъ, Распутину понадобились два рубля на новыя портянки. Попробовалъ попросить у швейцара, но тотъ, не учтя возможной карьеры просителя, отказалъ, ссылась на семейныя издержки.

— Подавишься потомъ своими двумя рублями, — выскалъ вслухъ Распутинъ внезапно пришедшее желаніе.

— Да ну? — иронически отозвался швейцаръ, — голосъ что ли тебѣ былъ, что подавлюсь?

— Голосъ? — переспросилъ Распутинъ и вдругъ радостно схватилъ швейцара за руку, — выручилъ, миляга, выручилъ . . .

Не прошло и трехъ минутъ, какъ Распутинъ стоялъ передъ пухлой дамой и сурово твердилъ:

— Голосъ мнѣ былъ, Аннушка . . . Поди, молъ, вотъ къ тебѣ и скажи, чтобы дала три рубля.

— Голосъ? — робко спросила пухлая дама.

— Голосъ, — подтвердилъ Распутинъ.

— Можетъ больше, Григорій Ефимовичъ? — удивилась скромности внутренняго голоса пухлая дама.

— Это ты вѣрно, — пророчески бросилъ Распутинъ, — два голоса было: одинъ говоритъ попроси три рубли, а другой говоритъ — проси всѣ семь съ полтиной.

Съ этого дня мистическій голосъ окончательно завладѣлъ Распутинымъ. Цѣлый день онъ не давалъ ему покоя.

— Вы что, Григорій Ефимовичъ?

— Да вотъ голосъ сейчасъ былъ. Кого, говоритъ, перваго встрѣтишь, тотъ тебѣ двѣ бутылки коньяку и сапоги новые пришлетъ на домъ.

— Вамъ на Гороховую можно послать?

— А хоть и туда, сынокъ. Даръ, все равно, даромъ останется куда его ни пошли.

Странный голосъ быстро устроилъ всѣ личныя дѣла Распутина. Не проходило и ночи, чтобы онъ не потребовалъ отъ знакомыхъ Григорія Ефимовича чего-нибудь новаго, начиная отъ трехрядной гармошки и кончая тридцатью тысячами на текущій счетъ . . .

* * *

Такъ началась карьера Распутина — о чемъ писать не позволяли. Какъ она продолжалась, это мы не читали, а чувствовали. Какъ она кончилась — это уже можно прочесть. Я только далъ необходимое вступленіе.

Арк. Буховъ.

Рис. Б. Антоновскаго.

ПЕРЕОЦѢНКА ЦѢННОСТЕЙ.

— Погляди-ка, у этого человѣка очень царственный видъ!

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „НОВОМУ САТИРИКОНУ“.

Товарищи-монархисты! Украшайте этими портретами свои гостиныя!

АЛИСА ГЕССЕН КАЯ (псевдо имъ — Александра Романова, партійная кличка „Сана“). Много сдѣлала для войны и для побѣды *своего* народа. Вѣроисповѣданія Грегоріанскаго. Извѣстна, какъ рукодѣльница, вышивавшая рубашки св. *) Григорію Распутину. Стоитъ вамъ только взглянуть на это доброе, мя кое, милое чисто русское лицо, какъ ваше сердце наполнится симпатіей къ ней. По-русски бѣгло говоритъ одно только слово: „hoch!“. Теперь ведетъ замкнутый образъ жизни.

(* „Св,“ — это не святой, а совсѣмъ другое слово.

КЛАУСЪ II. ГОЛШТИНЪ-ГОТОРПСКІЙ. Достаточно взглянуть на умное интеллигентное лицо этого знатнаго иностранца, чтобы волна стремленія къ возврату монархизма затопила сердце нашего читателя. Важнѣйшіе этапы царствованія этого геніальнаго монарха: Ходынка, Портъ-Артуръ, Цусима, 9 января и др. По собственному признанію „любитъ цвѣточки“, хотя, вмѣсто цвѣточковъ, любилъ срывать головы своихъ „вѣрноподданныхъ“. Въ отличіе отъ обыкновенныхъ людей ушибленъ не мамкой, когда былъ маленькимъ а японцемъ въ Отсу, когда уже выросъ. Это — сказалось. Молчаливъ, не безъ основанія. Теперь — ведетъ замкнутый образъ жизни.

Рис. В. Антоновскаго.

ИЛЛЮЗІИ ЦАРЕЙ.

Николай II (растроганно) — Только ты остался вѣренъ мнѣ и не покинулъ, мой старый преданный слуга!.. .
Слуга: — Еще бы! Какъ же я васъ покину, когда еще не полу́чилъ жалованье за два мѣсяца!..

ДОЛОЙ МЕНЯ.

Ко всѣмъ раздавшимся «долой»
Хочу свое «долой» прибавить,
Но съ тѣмъ, чтобъ этотъ окрикъ злой
Въ упоръ себѣ же и направить.
Долой меня! Вчерашній рабъ,
Смѣнивъ трехцвѣтный флагъ на красный,
Я, какъ вчера, безликъ и слабъ,
И только, трепетно-согласный,
Я пѣснь свободную пою...
О если бъ — весь чудесно-новый —
Вошелъ я въ комнату свою,
Глубокій, мудрый и готовый
Съ улыбкой сжечь душевный хламъ,
Отбросить ласковость лежанокъ,
Пройти по собственнымъ слѣдамъ,
Минуя боль обидъ и ранокъ,
И съ тихимъ хохотомъ презрѣть
Свои удобныя святыни!
О, если бъ слово «умереть»
Я такъ спокойно зналъ, какъ нынѣ
Я знаю слово «уступить».
Ну, если бъ я къ женѣ и дѣтямъ,
Взамѣнъ того, чтобъ ихъ «любить»,
Пришелъ пытливо: «Кто вы?» — этимъ
Впустивъ въ тюремно-лживый домъ
Впервые звукъ свободно-ясный, —
Уже я могъ бы вдѣть потомъ
Въ свою петлицу бантикъ красный!..
Теперь же старый лицемѣръ
Съ улыбкой новаго служенья —
Я лишь насмѣшливый примѣръ,
Раба, покрасившаго звенья...
И потому, дождавшись дня,
Кричу и я свой кличъ голодный:
Долой вчерашняго меня,
И будетъ завтра — день свободный!

Ал. Вознесенскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Дорогая пятка.

У людей различныхъ соціальныхъ положеній, повидимому и расцѣнка конечностей тоже весьма разнообразна. Существовала даже особая такса на отрѣзанныя поѣздомъ ноги рабочаго: сто рублей сразу и пять рублей помѣсячно; но конечности придворныхъ фаворитовъ оцѣнивались значительно дороже. Здѣсь не было установлено твердыхъ цѣнъ. Такъ

при крушеніи поѣзда на Царскосельской жел. дор., Вырубова, повредившая себѣ ногу — отрѣзана была незначительная часть пятки — потребовала отъ управленія дороги ни много, ни мало, какъ 200 тыс. руб.

Дорожная администрація ахнула отъ возмущенія, но Вырубова сказала словами ген. Воейкова:

— Если эта сумма не будетъ уплачена, — вся дорога будетъ обращена въ казну, и вся администрація останется не у дѣлъ.

Здѣсь можно провести историческую параллель между Царскосельской дорогой и Ахиллесомъ. Послѣдній погибъ изъ-за собственной пятки, а дорога могла погибнуть изъ-за чужой. Впрочемъ, къ удовольствію г-жи Вырубовой отъ ея пятки дорога не погибла.

Мученики идеи.

Напрасно думаютъ, что старый строй оставилъ послѣ себя только одну историческую фразу:

— Прочелъ съ удовольствіемъ.

Были еще фразы, изреченія и резолюціи, которыя должно сохранить потомство.

Газеты вспоминаютъ, что

убитый въ 1906 году въ Москвѣ великій князь Сергѣй Александровичъ свое вступленіе на постъ московскаго генералъ-губернатора ознаменовалъ распоряженіемъ о выселеніи евреевъ; въ короткое время въ Москвѣ изъ 30 тысячъ евреевъ едва осталось 5 тысячъ.

Въ числѣ высланныхъ были и „рѣзаки", занимавшіеся убоемъ скота по еврейскому закону. Оставленъ былъ только одинъ рѣзакъ.

Тогда евреи, уцѣлѣвшіе отъ разгона, послали царю прошеніе разрѣшить увеличить число рѣзаковъ. Это прошеніе Николай II отослалъ Сергѣю Александровичу на его усмотрѣніе, князь, внимательно прочитавъ прошеніе, положилъ на немъ такую резолюцію: „Выслать изъ Москвы еще 2,500 евреевъ и тогда достаточно будетъ одного рѣзака".

Говорятъ, что мертвые срама не имутъ. Живые они тоже его не имѣли.

Мѣсто скорби.

— Каждый человѣкъ долженъ же куда-нибудь идти, — обмолвился какъ-то Достоевскій.

И романовская династія шла.

Знаменитый предсказатель счастливыхъ и несчастныхъ случаевъ въ жизни своихъ кліентовъ по ихъ почерку г. Моргенштернъ дѣлится съ интервьюеромъ воспоминаніями:

— Въ моемъ кабинетѣ часто сидѣли великіе князья и словно на духу разсказывали о своихъ скорбяхъ. Скорбѣли они вмѣстѣ со всей жаждавшей свободы Россіей. Скорбѣли искренно, желая родинѣ лишь счастья и добра.

Мы всегда были далеки отъ суетъ и обычаевъ придворной жизни, но, думается намъ,—у великихъ князей должны были бы найтись другія мѣста, гдѣ они могли бы немного громче поскорбѣть о судьбѣ Россіи и пожелать ей счастья...

Свой путь.

Смѣшеніе профессій никогда не дѣлаетъ карьеры. Портной не выдвинется въ своемъ цехѣ изъ-за торговли цвѣточными сѣменами, адвокатъ не создастъ себѣ крупнаго юридическаго имени умѣньемъ вышивать крестиками на канвѣ.

Депутатъ Думы не создастъ себѣ славы народнаго трибуна ремесломъ освѣдомителя.

Вотъ это послѣднее никакъ не могъ понять П. Н. Крупенскій.

По словамъ газетъ:

Найдено письмо А. Д. Протопопова, адресованное „его высокопревосходительству А. Ф. Трепову" отъ 9 октября 1916 г. за № 377:

„Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Его Высокопревосходительству Александру Федоровичу, имѣетъ честь препроводить при семъ присланную членомъ Гос. Думы Павломъ Николаевичемъ Крупенскимъ записку члена Гос. Думы Василія Витальевича Шульгина, вносимую въ группы".

Даже хорошая сдѣльная плата не оправдываетъ такихъ поступковъ.

Раскопки.

Не только раскопки въ древнихъ Ѳивахъ иногда даютъ неожиданные результаты. Иногда и въ Петроградѣ бѣглый обзоръ по развалинамъ стараго режима даетъ возможность натолкнуться на прежнюю культуру.

На крышѣ зданія охраннаго отдѣленія, разрушеннаго и уничтоженнаго пожаромъ, найденъ радіотелеграфъ, служившій, судя по его устройству, для сношеній съ германцами.

Повидимому, придворными баронами и графами добросѣдскія отношенія поддерживались при помощи самыхъ послѣднихъ техническихъ усовершенствованій.

Повидимому, сознаніе необходимости работать на оборону проникло во всѣ слои общества. Жаль, что нѣкоторые работали больше на оборону Германіи отъ Россіи, а не наоборотъ.

Перепроизводство.

Оказывается, что въ дѣлѣ революціи предложеніе явно превысило спросъ. Такъ даже

товарищъ предсѣдателя союза русскаго народа Соколовъ обратился къ предсѣдателю Гос. Думы М. В. Родзянко съ предложеніемъ своихъ услугъ, заявивъ, что онъ признаетъ временное правительство.

Странное представленіе должно быть у такихъ господъ о временномъ правительствѣ, если они думаютъ, что ему могутъ понадобиться ихъ услуги.

Придворная хроника.

Исключительно для перевода на иностранные языки и для популяризаціи въ монархическихъ странахъ помѣщаемъ эту вырѣзку изъ газетъ:

Въ одной изъ залъ царскосельскаго дворца висѣла прекрасная бронзовая люстра, подаренная еще Екатеринѣ II однимъ изъ западноевропейскихъ властителей.

Цесаревичъ Алексѣй любилъ играть въ этой залѣ.

Однажды Распутинъ сказалъ царицѣ:

— Завтра сына въ эту комнату не пускай. Какъ бы грѣха не случилось...

И — больше никакихъ объясненій.

Разумѣется, совѣтъ „старца" былъ исполненъ въ точности. Залу заперли.

И вдругъ на другой день въ этой залѣ раздался грохотъ, похожій на взрывъ адской машины.

Дворцовое населеніе не могло пошевельнуться отъ ужаса. Потомъ осторожно заглянули въ скважину. Ждали, что вся зала развалена этимъ взрывомъ.

Но тамъ не было никакихъ разрушеній. И только прекрасная люстра была на полу. Она сорвалась съ потолка.

Вотъ это угрожало наслѣднику.

Къ Распутину кинулись:

— Спаситель!

А онъ гладитъ бороду:

— Да ужъ если бъ не я — крышка ребеночку. Голосъ мнѣ былъ... Пужать не хотѣлось и не говорилъ.

Одинъ изъ свиты воскликнулъ, указывая на обрывокъ поддерживавшей ее до паденія цѣпи:

— Вотъ такъ чудо!..

На мѣстѣ разрыва цѣпь была совершенно гладкая и блестящая. По ней, очевидно, прошелся чей-то осторожный подпилокъ.

Мы искренно жалѣемъ, что „Сатириконъ" не имѣетъ постоянныхъ читателей и подписчиковъ на Сандвичевыхъ островахъ и въ малообитаемыхъ плоскогорьяхъ Средней Австраліи. Въ Европѣ все-равно этому не повѣрятъ.

Любитель прекраснаго.

Отрывки изъ житія бывшаго ростовскаго градоначальника Комиссарова:

Хозяинъ отеля или шантана подноситъ на блюдѣ сдачу съ неположенныхъ генераломъ на столъ пятисотъ рублей, генералъ, волнуясь, пересчитываетъ деньги, убѣждается, что ужинъ съ шампанскимъ стоилъ не дороже пяти рублей, если бы онъ вздумалъ платить, прячетъ въ карманъ сдачу и успокаивается.

Генералъ упился... Требуетъ шансонетку.

— Раздѣвайся!

Раздѣвается.

— Подать варенья и салфетку!

Подается.

Генералъ погружаетъ салфетку въ вазу съ вареньемъ, а затѣмъ мажетъ салфеткой тѣло раздѣтой женщины.

Достаетъ изъ бумажника крупный кредитный билетъ и наклеиваетъ его на тѣло шансонетки.

— Прошу! — генералъ дѣлаетъ широкій жестъ въ сторону своихъ собутыльниковъ.

Раскрываютъ бумажники. Пестритъ кредитными билетами обнаженная женщина.

Генералъ приказываетъ женщинѣ одѣться и провожаетъ ее домой.

— Кто же отклеиваетъ билеты? — спрашивали ростовскіе обыватели.

Шутники отвѣчали:

— Комиссаровъ — поборникъ раздѣленія труда. Онъ билетъ отклеиваетъ, шансонетка купается.

Все это доказываетъ, что у Комиссарова губа была не дура. Такъ сказать, экстерриторіальная губа: самъ дуракъ, а губа — не дура.

Генералъ милостиво разрѣшаетъ похлопывать себя по щекамъ шансонеткамъ, если это дѣлается хотя и публично, но ласково. Генералъ изволитъ гнѣваться, если какая-либо артистка осмѣливается дать ему пощечину за слишкомъ гнусное предложеніе.

— Я вамъ покажу, какъ надо обращаться съ градоначальникомъ, — кричитъ Комиссаровъ.

Теперь ему показали, какъ надо обращаться съ градоначальникомъ: сидитъ въ тюрьмѣ этотъ женолюбецъ, и изъ женщинъ къ нему допущена только одна.

— Параша.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Въ виду увеличенія типографскимъ служащимъ и рабочимъ платы за работу — цѣна за журналъ „Нов. Сатириконъ" съ настоящаго номера соотвѣтственно увеличена.

Рис. Мисеъ.

ПРИВЫЧКА КЪ „ПОРЯДКУ“.

Въ день 28 февраля.

Солдатъ: — Куда ты лѣзешь, эй!

Чиновникъ: — А я иду свой долгъ исполнить! Паспортъ для прописки околоточному несу!

Дезинфекціонная камера

при

„НОВОМЪ САТИРИКОНѢ“

Принимается въ чистку любое платье (порфиры, генеральскіе мундиры и пр.) Выколачиваніе пыли. Удаленіе грязи. Пылесосы. Выведеніе насѣкомыхъ.

Да здравствуетъ чистота!
Да здравствуетъ Свѣтлая Республика!

5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

республиканскій журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

на 1917 годъ

„Новый Сатириконъ“.

Всѣ годовые подписчики получатъ:

НОМЕРА обильно иллюстрированнаго рисунками и карикатурами журнала.

БОЛЬШОЙ ТОМЪ „ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“.

4 **КАРТИНЫ,** изъ нихъ двѣ исполнены по способу трехцв. печати,

А ИМЕННО:

2 **КАРТИНЫ** Ре-ми и А. Радакова.

2 **КАРТИНЫ** (силуэты въ красочн. медальон.) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на одинъ годъ безъ доставки 10 руб.,

съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 р., на ½ года — 5 р. 50 к., на 1 мѣс. — 95 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 5 руб., 1-го мая 3 руб., 1-го сентября 3 руб.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій 64. Тел. 644—56.

Редакторъ: Арк. Аверченко. Издатель: „Новый Сатириконъ“.

Рис. Б. Антоновскаго.

МИНИСТРЫ ЛѢВѢЮТЪ.

Въ Петропавловской крѣпости.

— Послушайте, портной! Если вы нашиваете бубновый тузъ, такъ нашивайте — красный. Мы тоже хотимъ имѣть защитный цвѣтъ.

ПРИШЛО.

Улыбнись славянское лицо:
Подъ родными облаками
Святогоръ нашелъ свое кольцо,
Въ черноземъ зарытое вѣками.
Кто не вѣритъ въ силу этихъ рукъ,
Что земную тяжесть мѣрятъ?
Святогоръ не тронетъ за испугъ
Тѣхъ людей, которые не вѣрятъ.
Но когда могучіе пласты
Развернутся чернозема —
Только съ тѣхъ лишь свалятся кресты,
Кто не жался сиротливо дома.
Хлѣбъ и соль на каждое крыльцо!
Расцвѣтитесь огоньками!
Святогоръ нашелъ свое кольцо,
И земля колышется подъ нами.

Арк. Буховъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ НЕОПЫТНЫХЪ.

Не всякій, назвавшій министра товарищемъ, можетъ быть названъ товарищемъ министра.

ТЕХНИКА.

Передаютъ, что генералъ Гинденбургъ у себя въ дневникѣ, по поводу февральскихъ событій, записалъ:

— Повидимому, военная техника у русскихъ сильно шагнула впередъ. Такъ, сильнѣйшая изъ русскихъ крѣпостей — Петропавловская была взята въ полчаса.

РЕЦЕПТЪ.

Одинъ скромный человѣкъ, стоя въ очереди и просматривая газету «Правда», призывающую къ борьбѣ съ временнымъ правительствомъ, замѣтилъ:

— Теперь я понимаю, почему говорятъ: хлѣбъ-соль ѣшь, а «Правду» рѣжь. Рѣжь ее на куски и выбрасывай.

РОДЪ ОРУЖІЯ.

Одного бывшаго министра поймали около собственнаго дома, когда министръ хотѣлъ ускользнуть, переодѣвшись въ солдатскую шинель.

— Вы какого полка? — спросилъ его милиціонеръ.

Министръ посмотрѣлъ на крышу своего дома и уклончиво отвѣтилъ:

— Радіотелеграфистъ.

КЪ МУЗѢ.

Ты обезумѣла отъ счастья:
Народъ мечту твою свершилъ, —
И трескъ твердыни самовластья
Тебя, какъ громомъ оглушилъ.
Взгляни: народъ, ликуя, плачетъ,
Остался деспотъ безъ вѣнца,
А знамя красное маячитъ
На вышкѣ Зимняго дворца.
О, муза яда и печали!
Ты пѣла, цѣпи волоча,
Чего же пѣсни отзвучали,
Когда не стало палача?
Подумай, муза: нѣтъ цензуры!!
Свободна мысль! Свободенъ стихъ!
Не искалѣчитъ цензоръ хмурый
Ни риѳмъ, ни образовъ твоихъ.
Ты не предашь тисненью клочья
Своей души, не одавишь крикъ:
Исчезли плѣши, многоточья,
Погибъ эзоповскій языкъ.
Очнись же, муза, возликуемъ!
Я риѳмы снова созову.
Но... докажи мнѣ поцѣлуемъ,
Что я не грежу наяву.

Красный.

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ РАУТЪ.

Въ первыхъ числахъ марта предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко далъ большой раутъ. Въ Таврическій дворецъ собрался цвѣтъ столичнаго бомонда: д. с. с. А. Д. Протопоповъ, д. т. с. 1-го класса статсъ-секретарь И. Л. Горемыкинъ (прибылъ на грузовикѣ: послѣднее слово бонтона!), оберъ-камергеръ Б. В. Штюрмеръ, графиня Клейнмихель (прелестный туалетъ для прогулокъ), градоначальникъ г.-м. А. П. Балкъ и еще много представителей знати. Поговаривали, что раутъ почтятъ присутствіемъ «высшія сферы», но онѣ докатились до Пскова, а потомъ признали за благо прослѣдовать къ себѣ въ Царское Село. Гостей привѣтствовали толпы народа. Въ министерскомъ павильонѣ былъ предложенъ чай. Раутъ затянулся на нѣсколько дней. Радушный хозяинъ предложилъ гостямъ увеселительную прогулку въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости оказалось много любопытнаго въ археологическомъ смыслѣ. Любезный хозяинъ не могъ отказать гостямъ остаться въ крѣпости до тѣхъ поръ, пока они не изучатъ детально Трубецкой равелинъ.

Кр.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Пятнистой гіенѣ. — „Если вы меня напечатаете, — признается Пятнистая гіена, — я утру тогда кое-кому носъ!“...

Въ виду того, что печатаніе матеріала въ журналѣ происходитъ внѣ зависимости отъ осушенія чьихъ бы то ни было носовъ — мы, принуждены освободить присланный вами матеріалъ отъ напечатанія.

С. Д. К. (Фонтанка, 127). — ... „Дай отвѣты на проклятые вопросы“, какъ говорилъ поэтъ.

И вотъ С. К. спрашиваетъ:

„Отчего говорятъ:

— Ги-папа-тамъ,

А не:

— Ги-мама-здѣсь?“

Во-первыхъ, никто не говоритъ „гипапатамъ“, а во-вторыхъ, если бы даже вы и услышали слово „ги-мама-здѣсь“ — удовлетворило ли бы это васъ?

Нѣтъ. Все равно, сейчасъ же какой-нибудь новый вздоръ измыслили.

Какъ хорошо бы было, если бы человѣческіе мозги свободно вынимались изъ черепной коробки... Вынулъ, прополоскалъ свѣжей водой подъ краномъ и вложилъ обратно.

Съмянникову. — Наконецъ-то мы можемъ ознакомить читателей съ черточками изъ великосвѣтской жизни:

„У графини въ будуарѣ
На козеткѣ я сижу,
И какъ будто бы въ угарѣ
За ея роскошнымъ тѣломъ слѣжу“.

Это занятіе дѣлаетъ вамъ честь. Дѣйствительно, за тѣломъ только не послѣди — что изъ него получится?

Второй образъ не менѣе удаченъ:

„И шнурочкомъ отъ халата,
Ея ушко я щекоталъ“.

Ахъ, вы проказникъ!

Отъ слова проказа.

Б. Провинція.

Ст. Тула. Сойкѣ. — Сойка признается:

„Когда я пишу стихи, мнѣ такъ трудно, что голова распухаетъ“...

Голубчикъ! Зачѣмъ же вы это дѣлаете? Намъ этого не надо, вамъ тоже не доставляетъ удовольствія, — къ чему напрасные труды? Мы васъ и такъ будемъ уважать, безъ стиховъ...

Либер—ну. — Этотъ поэтъ жалуется: „...Дома всѣ наши смотрятъ на мои писанья, какъ на глупость“.

Повѣрьте, что въ нашемъ журналѣ вы почувствуете себя, какъ дома.

Ave.

Редакторъ: **А. Т. Аверченко.**
Издатель: **Т-во „Н. Сатириконъ“.**

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

РЕСПУБЛИКАНСКІЙ журналъ сатиры и юмора

„БАРАБАНЪ“

Цѣна № двадцать коп.

Типо-литографія Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

ВП-92-306/44
П 200 0/0
1/306 низ 1917 N12

Рис. А. Радак

НА БОЛЬШОМЪ СКВОЗНЯКѢ.

Виль ельмъ: — Бетманъ, привяжи меня къ трону покрѣпче. Какъ бы не слетѣть..